

Склейнис Галина Альфредовна

БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ РОМАНИСТИКИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ

В работе исследуется феномен литературной беллетристики; предлагается разграничение беллетристики (как качественного понятия) и беллетризации (как понятия жанрового, точнее, связанного с учетом жанровых ожиданий). Излагаются основные причины, побудившие Ф. М. Достоевского к намеренной беллетризации воплощаемого материала (поиски читателя и необходимость учитывать читательские ожидания; интериоризация значимого, серьезного содержания; тяга к авантюрист; оценка эпохи 60-х г. как "фантастичной").

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 33-35. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.0:801.6

В работе исследуется феномен литературной беллетристики; предлагается разграничение беллетристики (как качественного понятия) и беллетризации (как понятия жанрового, точнее, связанного с учетом жанровых ожиданий). Излагаются основные причины, побудившие Ф. М. Достоевского к намеренной беллетризации воплощаемого материала (поиски читателя и необходимость учитывать читательские ожидания; интериоризация значимого, серьезного содержания; тяга к авантюрист; оценка эпохи 60-х г. как «фантастичной»).

Ключевые слова и фразы: беллетристика и беллетризация; интериоризация (освоение) литературы; мелодраматический эффект; прием авантюрно-бульварного повествования; художественная реальность; антиингилистическая романистика.

Склеинис Галина Альфредовна, д. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
Psy-adept@rambler.ru

БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ РОМАНИСТИКИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ

Одной из актуальных и достаточно малоизученных теоретико-литературных проблем является проблема разграничения понятий «беллетристика» и «беллетризация». В историко-литературном аспекте нас будет интересовать выявление тех причин, по которым писатель может обращаться в своем творчестве к сознательной или непреднамеренной беллетризации воплощаемого материала.

Этот аспект и составит **цель** нашей работы.

Для иллюстрации мы взяли личность и творчество Ф. М. Достоевского, оптимально подходящие, на наш взгляд, для постановки и решения данной проблемы.

Прежде всего обратимся к понятию «беллетристика».

С. И. Ожегов в «Словаре русского языка» трактует слово «беллетристика» как «повествовательная художественная литература» [7, с. 43]. Такое же определение дублируется в «Словаре иностранных слов» Л. П. Крысина с добавлением второго лексического значения: «Художественная литература для легкого занимательного чтения» [4, с. 113].

Как видим, в обоих словарях ничего не говорится о том, насколько понятие «беллетристика» отражает *качественный* уровень литературного произведения, *масштаб* писательского таланта (здесь и далее – курсив наш). Если исходить из этимологии слова, предложенной Л. П. Крысиным («belles lettres» – «изящная словесность»), то беллетристика – явление художественное; если же учитывать данное им второе значение («литература для легкого занимательного чтения»), то становится понятным, что беллетристике чужды проклятые вопросы, вечные проблемы, неразрешимые духовные искания, характерные для великой литературы.

Обратимся к специальным работам, посвященным русской беллетристике.

В докторской диссертации Н. Л. Вершининой (конец 90-х годов XX века) дается следующее определение *качеству* данного понятия: беллетристика занимает «промежуточное, пограничное положение между высоким искусством и эмпирией жизни: с одной стороны, как сфера недоразвившаяся до подлинного «художества», с другой – как явление, «перекрывающее» его конгломерирующей эстетикой и быт всечеловеческой широтой» [2, с. 3]. Авторы беллетристических произведений – это не гении, но таланты, которые «достаточно профессиональны, чтобы вменять литературному творчеству определенные жанры и стили» [Там же, с. 6.] (Разрядка – Н. Л. Вершининой).

Удачную качественную оценку дает беллетристике В. Е. Хализев (2005 год), считая ее «срединным пространством литературы» и подчеркивая ее принципиальное отличие от литературного «низа» («чтива»). По его мнению, ценностная неоднородность беллетристических произведений зависит от ведущей установки автора. Выделяются две ветви художественной беллетристики – серьезно-проблемная и развлекательная. Наиболее значима, с его точки зрения, первая ветвь – «круг произведений <...> обсуждающих проблемы своей страны и эпохи, отвечающие духовным и интеллектуальным запросам современников, а иногда и потомков» [8, с. 153]. Развлекательная же беллетристика создается «с установкой на <...> легкое и бездумное чтение <...> тяготеет к «формульности» и авантюристности» [Там же, с. 154].

В. Е. Хализев развивает в своем исследовании положения, высказанные В. Г. Белинским в 40-е годы XIX века, когда общественная функция беллетристики выдвигается на передний план. Так, в статье «Опыт истории русской литературы» (1845) критик утверждает, что беллетристические произведения «необходимы и благодетельны <...> Они – искусство толпы; без них толпа была бы лишена благодетельных искусств. Сверх того, в беллетристике выражаются потребности настоящего, дума и вопрос дня, которых никогда не предчувствовала ни наука, ни искусство, ни сам автор подобного беллетристического произведения» [1, с. 358]. В. Г. Белинский обращает внимание на злободневность беллетристической литературы, выражающей «думу и вопрос дня», причем часто это происходит помимо авторского намерения, в силу специфики беллетристики, которая, хотя и является «низшей» поэзией, но «имеет свои минуты откровения, указывая на <...> потребности общества» [Там же, с. 359].

Н. Л. Вершинина считает трактовку В. Г. Белинского односторонней, «завышающей» оценку беллетристики и стремящейся «совместить общественную и эстетическую функцию беллетристической литературы в одной концепции» [2, с. 23]. Еще более противоречива, на наш взгляд, трактовка В. Е. Хализева. Ведь если

литература отвечает «духовным и интеллектуальным запросам современников, а иногда и потомков» [8, с. 153], то она перерастает уровень «срединного пространства», а если создается «с установкой на легкое и бездумное чтение» [Там же, с. 154], то насколько она эстетична? И только ли беллетристика может тяготеть к «формульности и авантюристике»?

Отвечая на эти вопросы, попробуем разграничить понятия «беллетристика» и «беллетризация».

Если беллетристика – это понятие, прежде всего, *качественное*, характеризующее масштаб писательского таланта («низшая поэзия», занимающая «промежуточное, пограничное положение между высоким искусством и эмпирией жизни», «срединное пространство»), то «беллетризация» – это понятие *жанровое*, а точнее, связанное с учетом жанровых *ожиданий* читателя.

То есть беллетризация – это то, что Вл. Луков называет интериоризацией или освоением литературы [5, с. 16]. Именно беллетризация – это придание литературе определенного интереса: остросюжетности, авантюристике, уголовного начала, однако придание не самоцельное, а ставящее перед собой конкретные задачи, о чем несколько позже.

Предвосхищать жанровые ожидания читающей публики стремятся (или вынуждены) писатели разного уровня.

Автор не может перестать быть беллетристом (если таков его писательский уровень). В. Ключников останется беллетристом, а Л. Н. Толстой – классиком, хотя оба отдадут дань модной в 60-е годы XIX века, востребованной антинигилистической тематике («Марево» В. П. Ключникова, «Зараженное семейство» Л. Н. Толстого). Однако любой автор вправе заниматься *намеренной* беллетризацией, потому что он может или должен исходить из учета жанровых ожиданий.

Достоевский – общепризнанный гений, элита и гордость русской нации, а потому постановка проблемы «Ф. М. Достоевский и беллетристика (как явление второго ряда)» представляется просто неуместной. А между тем намеренная беллетризация его романного творчества носит явный, порой даже демонстративный характер. Мы полагаем, для этого существуют по крайней мере четыре причины, и трудно сказать, какая из них важнее (то есть очередность рассказа о них не носит иерархического характера).

Во-первых, Ф. М. Достоевский, приступая к созданию послекаторжной романистики, особенно остро нуждался в деньгах. Эта нужда еще более усугубилась в 1865 году, после смерти брата М. М. Достоевского и закрытия журнала «Эпоха». Ему было просто необходимо учитывать читательские предпочтения и ожидания. Для этого он и избирает поначалу роман-фельетон (роман с продолжением «Униженные и оскорбленные»), а затем жанр романа с ярко выраженной авантюристкой, уголовной и детективной (псевдодетективной) сюжетной схемой. Изюм всех романов в наибольшей степени авантюрен «Подросток», и К. В. Мочульский правомерно называет его самым увлекательным из произведений Достоевского. Здесь писатель даже вводит мелодраматическую сцену с шантажом, обмороками и стрельбой из пистолета (покушение Версилова на Ахмакову). По экспансивности, чрезмерной страстности она может сравниться только со сценами, обильно построенными на мелодраматических эффектах, из «Униженных и оскорбленных».

Вторая причина тесно связана с первой. Ф. М. Достоевский никогда не ставил своей целью развлечь читателя. Он заботился об интериоризации значимого, серьезного содержания (философского, социального) и намеренно «беллетризовал» его, прокладывая с помощью увлекательного авантюрного сюжета путь к широкому читателю. Это именно тот случай, о котором Вл. Луков писал: «духовно ориентированная» классическая литература, преодолевая опасность «остаться литературой <...> эзотерической», ищет путей к широкой читательской аудитории [Там же, с. 16]. Ранее об использовании традиций уголовного, детективного, бульварного романов как попытке Достоевского облегчить для читателя восприятие сложного духовного содержания писали М. П. Гроссман и Р. Г. Назиров [3; 6]. Получается, что тяга к «формульности» и авантюристике оказывается помощью читателям в восприятии сложного содержания.

Авантюристость, присущая эпохе, может удивительным образом отвечать натуре писателя, «совпадать» с природой его творческой индивидуальности. Такова третья причина беллетризации художественных произведений у Ф. М. Достоевского. Так, тяготение к авантюристике, тайне, интриге, недосказанности характерно для творчества Ф. М. Достоевского и в 40-е («Неточка Незванова»), и в 60-е («Униженные и оскорбленные»), и в 70-е («Подросток») годы XIX века, хотя характер использования приемов авантюрно-бульварного повествования на протяжении его творчества трансформировался и усложнялся.

Наконец, причина четвертая, имеющая отношение к концепции жанра антинигилистического романа. Рассматривая эпоху 60-х годов XIX века как авантюрную (отсюда характерные названия: «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского, «Марево» В. П. Ключникова, «Кровавый пух» В. В. Крестовского), писатели и воплотить ее стремились в авантюрной форме. Творчество Ф. М. Достоевского и тут требует специальной оговорки. Эпоха 60-х годов XIX века в целом расценивалась им как эпоха «фантастическая», «неблагообразная», свидетельствующая о хаосе и разладе русской жизни. Так, в романе «Преступление и наказание» мы с самого начала погружаемся в «сновидную» реальность – реальность фантазмогорическую, напоминающую дурной сон.

Однако именно ощущение присутствия «высшей» реальности в эмпирической позволяет Достоевскому творить особую реальность, в которой возможны «перетасовка» эпох, переключение от каждогодневного ко всеобщему, прорыв – при сохранении жгучей злободневности – за пределы «злобы дня». Именно взгляд на эмпирическую реальность через призму метафизической позволил Достоевскому дать особую художественную трактовку нигилистическому миропониманию, выводящую его за жанровые рамки антинигилистической романистики. А намеренная беллетризация масштабного и глубокого содержания позволила его великому творчеству стать бессмертным.

Список литературы

1. **Белинский В. Г.** Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Худож. лит., 1981. Т. VII. 799 с.
2. **Вершинина Н. Л.** Жанровая и стилевая структура русской беллетристики 1830-1840-х годов: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1997. 51 с.
3. **Гроссман Л. П.** Поэтика Достоевского. М.: Гос. академия худож. наук, 1925. 190 с.
4. **Крысин Л. П.** Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
5. **Луков В. А.** История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней. М.: Изд. центр «Academia», 2003. 512 с.
6. **Назирова Р. Г.** Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1982. 160 с.
7. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. Изд-е 11, стереотипное / под редакцией Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1975. 846 с.
8. **Хализев В. Е.** Теория литературы. М.: Высш. шк., 2005. 405 с.

FICTIONALIZATION OF F. M. DOSTOYEVSKY'S NOVELS: MAIN REASONS

Skleinis Galina Al'fredovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Northeastern State University, Magadan
Psy-adept@rambler.ru

The paper studies the phenomenon of literary fiction; it proposes the differentiation of fiction (as a qualitative notion) and fictionalization (as a genre notion, more exactly, associated with the account of the genre expectations). The article sets out the main reasons that induced F. M. Dostoyevsky to the intentional fictionalization of the embodied material (the search for the reader and the necessity to take into consideration readers' expectations; the interiorization of the significant, serious contents, the inclination for adventurousness; the evaluation of the epoch of 60s as a "fantastic one").

Key words and phrases: fiction and fictionalization; interiorization (mastering of) literature; melodramatic effect; technique of adventurous tabloid narrative; artistic reality; anti-nihilistic novels.

УДК 8;82

Статья раскрывает роль творчества писателя С. И. Капаева в развитии жанра документальной повести. В основе произведения «Кырлук» – героический подвиг четырнадцатилетней девушки-партизанки во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Впервые художественное произведение рассматривается с точки зрения преемственности эпических традиций; прослеживаются жанровые и художественные особенности повести, которые открывают новые возможности в деле изучения документально-художественной прозы в литературе народов РФ.

Ключевые слова и фразы: преемственность традиций; героический эпос; подвиг; художественное творчество; эпические традиции.

Султанбекова Маржан Кельдимуратовна, доцент
Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева
m.dgazova@yandex.ru

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ
В ПОВЕСТИ НОГАЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ С. КАПАЕВА «КЫРЛУК»**

Суюн Капаев – один из ведущих ногайских писателей – пришел в литературу в 50-х годах прошлого столетия. Он является основоположником жанров лирической повести и рассказа в ногайской литературе.

С. Капаев родился в 1927 году в старинном ногайском ауле Эркин-Юрт Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесии. Как и многие его сверстники, образование он получил в Черкесском педагогическом училище, окончив которое стал работать учителем в своем ауле. Затем поступил в Ставропольский педагогический институт. После – стал редактором (1955) районной, а позже – областной ногайской газеты «Ленин йолы» («Ленинский путь», перевод автора – М. С.).

Работа в школе и газете обогатила жизненный опыт С. Капаева, научила его обобщать и выделять главное из множества событий. Постоянное общение с богатейшим фольклором, жизнь в атмосфере песен, преданий, сказок, героических поэм пробудили в нем тягу к самостоятельному творчеству. Любовь к народному творчеству, использование его в своих произведениях наблюдается у С. Капаева на всем протяжении его литературной деятельности.

В своих произведениях писатель воспевал красоту и величие сельского труда, родной природы, раскрывая жизнелюбивые гуманистические традиции ногайского народа. Он написал более 30 поэтических и прозаических книг.

Известные критики и литературоведы дали высокую оценку его творчеству.

С. Капаев был членом Союза писателей и журналистов СССР, удостоился звания «Народный писатель КЧР», награжден орденом «Знак Почета».